

полития

А.В. Михалев

ГРАНИЦЫ, «НИЗКАЯ ГЕОПОЛИТИКА» И СОВЕТСКОЕ НАСЛЕДИЕ В СОВРЕМЕННОЙ ВНУТРЕННЕЙ АЗИИ¹

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и АНО ЭИСИ в рамках научного проекта №19-011-31130 «Российский фронтир Внутренней Азии: старые границы, новые противоречия».

Алексей Викторович Михалев — доктор политических наук, директор Центра изучения политических трансформаций Бурятского государственного университета им. Доржи Банзарова (Улан-Удэ). Для связи с автором: mihalew80@mail.ru.

Аннотация. Статья посвящена описанию и анализу динамики обыденного восприятия границы и трансграничных процессов в восточной части Центральной Азии, по сути представляющей собой монгольский мир, который сложился за много столетий до появления современных государств, но сохраняется по сей день, будучи разделен границами государств, в пространстве которых складываются новые идентичности, свойственные уже эпохе Модерна.

Формулируя исследовательскую задачу, автор исходит из того, что, помимо «высокой» геополитики, базирующейся на представлениях политических экспертов о пространстве, границах и мировом порядке, есть и геополитика «низкая», включающая в себя образы, формируемые СМИ, культурой и искусством, повседневными практиками людей. Часто существуя за пределами официального дискурса, «низкая геополитика» не только отражается на массовых настроениях, но и в большей или меньшей степени влияет на принятие политических решений, да и на саму реализацию режима границ, становясь основанием для коллективных политических действий.

Проведенное автором исследование позволило зафиксировать серьезные изменения повседневного восприятия границы после отмены визового режима между Монголией и Россией. В обеих странах складывается представление о соседе как о дополнительном ресурсе. Негативные смыслы в социальных сетях и на страницах СМИ все больше оттесняются на периферию. Не исчезая полностью, они перестают предопределять коллективные действия, утрачивают массовость. Взаимная заинтересованность позволяет гасить существующие различия в образе жизни и стереотипах поведения. Формируется особая фронтирная зона, которая сегодня не разделяет, но соединяет русскую и монгольскую цивилизации.

Ключевые слова: границы, геополитика, Внутренняя Азия, дискурс, панмонголизм, халхацентризм

Изменения последнего десятилетия прошлого века вернули к жизни множество политических феноменов и идеологических доктрин, казалось бы, давно расположившихся на архивных полках. Одной из таких доктрин, в какой-то момент ставшей синонимом национально-культурного возрождения Внутренней Азии, является панмонголизм². Под Внутренней Азией мы понимаем восточную часть Центральной Азии, по сути, монгольский мир, сложившийся за много столетий до появления современных государств, но продолжающий существовать и сегодня, будучи разделен границами государств, в пространстве которых складываются новые идентичности, свойственные уже эпохе Модерна.

² Чимитдоржиев 2000.

Панмонголизм как идеологическое течение возник в 1911 г. (хотя сам термин был введен в оборот Владимиром Соловьевым несколько раньше), после провозглашения независимости Внешней Монголии. Первоначально он предполагал присоединение к ней других заселенных монголоязычными народами районов империи Цин, но в силу особенностей международной обстановки (начавшегося сближения между Россией и Японией) практических следствий не имел. В то время панмонголизм фактически представлял собой не более чем концепцию формирования национального государства из разрозненных племен, однако уже в 1919—1920 гг. он проявил себя гораздо полнее и масштабнее.

Главными глашатаями панмонголизма в тот период выступали атаман Григорий Семенов и его армия, поддержанная Японией. И хотя правительство собственно Монголии во главе с Богдо-гэгэном VIII отказалось присоединиться к движению, в 1919 г. в Чите состоялась первая панмонгольская конференция, в которой приняли участие представители Внутренней Монголии и бурятских племен Забайкалья. На этой конференции в качестве цели движения была сформулирована задача создания монгольского государства, включающего в себя российское Забайкалье и Внутреннюю Монголию³. Разгром отрядов Семенова привел к распаду и самого движения.

³ См. Кузьмин 2015.

Определенный взлет панмонголизма можно обнаружить на завершающем этапе Второй мировой войны, в которой (на стороне Японии) участвовали отряды из Внутренней Монголии под предводительством ее правителя князя Дэ Ван Дэмчигдонрова⁴. Примечательно, что в конце жизни, после многолетнего заключения в тюрьмах КНР, Дэмчигдонров работал в историческом музее.

⁴ Berger and Jowett 2004.

«Музейной» становится и сама идеология панмонголизма, почти полностью исчезнув с политического горизонта Внутренней Азии. Параллельно панмонголизму, ориентированному на весь регион, начали складываться иные идентичности монголоязычных народов, связанные с проживанием в разных политических образованиях. Усилиями советских культуртрегеров возникла бурятская идентичность⁵. Относительно успешно формировалась и особая идентичность народов Внутренней Монголии, предполагавшая лояльность Китаю⁶. Этот процесс облегчался и тем, что представители данных народов обладали локальной

⁵ Барадин 1927.

⁶ Bulag 2000.

(племенной, родовой) идентичностью, гораздо более устойчивой, нежели собственно монгольская.

Пожалуй, наименее интенсивно он протекал на территории бывшей Внешней Монголии, превратившейся в Монгольскую народную республику, что объяснялось чрезвычайно плотным контролем СССР над этим политическим образованием. На официальном уровне в МНР господствовала не столько национальная, сколько социалистическая идентичность, поддерживаемая на уровне повседневности сильными антикитайскими настроениями⁷. С халхаским национализмом, то есть с зарождавшейся политической идентичностью западных монголов, как и с панмонголизмом, там активно боролись на протяжении всех лет строительства «социализма»⁸.

⁷ Шмыт 2011.

⁸ Решетов 1984.

Подобные установки отражались и на режиме границы, его восприятию населением. Граница между СССР и МНР (братьями по социалистическому лагерю) представлялась некоей условностью, сохраняющейся лишь в силу традиций. Ее прозрачность казалась необходимым условием существования «свободной Монголии». Монгольские элиты получали образование в СССР, в рамках советских научных школ складывались первые национальные исследовательские кадры и т.д. Столь же естественным и нормальным с позиций официального дискурса было присутствие в Монголии советских войск и многочисленных специалистов.

Граница между Монголией и КНР, напротив, была «на замке», разделяя враждующие сообщества. Лояльность Китаю значительной части населения Внутренней Монголии трактовалась в МНР как национальная измена. К минимуму были сведены и хозяйственные контакты, во всяком случае — официальные.

Однако даже в те времена официальный дискурс был не единственным. Несмотря на активную борьбу с национализмом и панмонголизмом во всех политических образованиях региона, эти идейные комплексы, вытесненные за пределы легальной политики, продолжали свое существование в общественном сознании. С крахом СССР и социалистической системы эти разнонаправленные настроения и идеологии вышли на поверхность. Напряжение между сохранившимися идентичностями панмонгольского типа, периодически всплывающими в политическом и обыденном дискурсе, локальными идентичностями и идентичностями национальными, сформировавшимися или формирующимися внутри современных государств, и задает динамизм в восприятии в региональных сообществах границы и людей по другую ее сторону. И если на уровне межгосударственных соглашений и международных форумов этот динамизм проявляется относительно эпизодически, то на уровне повседневного дискурса его проявления достаточно многочисленны и разнообразны. Более того, эти проявления выходят за рамки низовых практик, так или иначе прорываясь и в сферу публичной политики, и в сферу принятия политических и хозяйственных решений.

⁹ Kaplonski 2004.

При рассмотрении ситуации во Внутренней Азии в конце XX — начале XXI в. следует принимать во внимание основные социально-политические процессы, повлиявшие на политические представления населения. По свидетельству целого ряда источников, наибольшую роль в этом плане сыграли так называемый «парад суверенитетов» и новый виток национального строительства⁹. Именно эти процессы и задают парадигму отношений в геополитическом треугольнике Россия-Монголия-Китай. Происходит мучительная выработка норм, которые в перспективе будут определять дизайн региональных взаимодействий в этой части Азии.

Формирование нового регионального политического порядка, опирающегося на совокупность крупных трансграничных инфраструктурных проектов, тормозят локальные противоречия. Практика последних 10 лет показывает, что необходимые при реализации подобных проектов публичные слушания подчиняются логике обыденных представлений и негативных ожиданий. Такое положение вещей и определило главную исследовательскую задачу настоящей статьи, побудив нас сосредоточиться на анализе режима границы и трансграничного взаимодействия в постсоциалистической Внутренней Азии сквозь призму массовых установок, или «низкой геополитики».

¹⁰ См. Ó Tuathail 1996; Ó Tuathail, Dalby, and Routledge (eds.) 1998.

Подобно Джерарду Тоалу¹⁰, мы убеждены, что, помимо «высокой» геополитики, базирующейся на представлениях политических экспертов о пространстве, границах и мировом порядке, есть и геополитика «низкая», включающая в себя образы, формируемые СМИ, культурой и искусством, повседневными практиками людей. Часто существуя за пределами официального дискурса, «низкая геополитика» не только отражается на массовых настроениях, но и в большей или меньшей степени влияет на принятие политических решений, да и на саму реализацию режима границ. Именно эти не всегда явленные представления становятся основаниями для коллективных политических действий.

Но прежде чем переходить к описанию современной ситуации, стоит проследить, как формировалось восприятие границы во Внутренней Азии.

Границы и советское наследие

Еще в начале XX в. эксперты Генерального штаба Российской империи отмечали, что граница с Монголией охраняется слабо, значительная часть погранзнаков смещена или утеряна¹¹.

¹¹ Попов 2012.

Приграничная торговля была рутинным явлением. Столь же привычным было переселение на территорию Монголии русских крестьян, особенно после попытки распространить армейский призыв на население Приамурского генерал-губернаторства. Не слишком придерживались государственных границ и монгольские кочевья. Условность границы постоянно использовалась также участниками гражданской войны на Дальнем Востоке России.

Границы современного типа во Внутренней Азии возникли только в 1930-е годы. Жесткая демаркационная линия, охраняемая с обеих

сторон, фиксируется с 1934 г. Для СССР и МНР как «братских стран» строительство границ стало совместной задачей; монгольская погранслужба начала 1930-х годов копировала советскую, и на ее построение влияли советские военные специалисты. Важной задачей того времени была защита революционных республик от проникавших через границу японцев и белоэмигрантов¹².

¹² Peshkov 2017.

После распада Цинской и Российской империй образовалось несколько обширных буферных зон, служивших барьером между СССР и Японией¹³. К их числу относились, в частности, Мэнцзян, Маньчжоуго и Тувинская народная республика. Постепенно эти буферные образования были поглощены более крупными государствами, между которыми развернулось масштабное соперничество, занявшее всю первую половину XX в.¹⁴

¹³ Дудин 2018.

¹⁴ Radchenko 2012.

Самыми спорными были территории Тувы и Внутренней Монголии, на которые претендовала МНР. На межгосударственном уровне вопрос об их принадлежности утратил актуальность еще в 1940-х годах в связи с вхождением Тувы в состав СССР (1944 г.), а Внутренней Монголии — в состав КНР (1949 г.)¹⁵. Однако на уровне массовых представлений он периодически встает и сегодня. Как отмечают эксперты, «в Монголии есть силы, считающие несправедливым передачу части своих северных земель в 1932 г. Народной Республике Тува и претендующие на их возвращение. Часть китайских националистов также причисляет Туву к пресловутым временно утраченным территориям»¹⁶.

¹⁵ Саая 2003.

¹⁶ Игры 2017.

Ухудшение советско-китайских отношений и особенно конфликт на острове Даманский (1969 г.) повлияли и на обыденные представления населения о «своих» и «чужих». При этом в силу крайне плотного контроля СССР над МНР граждане Китая (вне зависимости от их этнической принадлежности) оказались «чужими» для жителей не только Советского Союза, но и Монголии.

Несмотря на начавшиеся в 1990-е годы процессы региональной экономической интеграции, антикитайские настроения не исчезли по сей день. Они проявляются в тональности СМИ, в повседневном дискурсе. Этот факт четко фиксирует монгольский публицист Цэндоо. «Самым страшным наследием, оставшимся от этого (советского — А.М.) периода, — пишет он, — является бессмысленная ненависть к Китаю. Унаследовалось убеждение, что если будешь против всего китайского, то окажешься всегда прав. А в людях, которые относятся к этому вопросу более рассудительно, многие видят китайских метисов или агентов»¹⁷. В свою очередь КНР осуществляет последовательные шаги, нацеленные на активизацию экономического взаимодействия, выводя политические сюжеты за скобки. Вместе с тем проблема Внутренней Монголии, где на уровне «низкой геополитики» сохраняется стремление к независимости, осознается и китайскими политиками. Именно с этим, по-видимому, связано подчеркнутое уважение к суверенитету Монголии — в ожидании аналогичной позиции с ее сторон»¹⁸.

¹⁷ Цэндоо 2018.

¹⁸ Базаров 2016.

Восходит к советским временам и так называемый комплекс «младшего брата». Советское присутствие в стране оценивается монгольскими СМИ как колониальное господство. Аналогичной точки зрения придерживаются и некоторые российские исследователи. Вот достаточно типичная оценка: «Социально-экономическая политика СССР в отношении колоний, к которым, помимо Монголии, относились ГДР, Польша, Чехословакия, Венгрия и Болгария, была абсолютно статичной... На фоне других колоний СССР Монголия была самой нелюбимой и неуважаемой: с теми все-таки больше считались, опасаясь их выхода из-под контроля. А в отношении Монголии в Москве господствовало презрительное отношение: да куда она от нас денется? Похожим было отношение, например, Великобритании к Британскому Сомали: если Индия или Южная Африка — любимые колонии, то эта — самая неинтересная. Или Франции к Чаду: не очень-то он нужен, но куда его девать?»¹⁹ Как свидетельство зависимого положения Монголии интерпретируется и безвизовый режим между ней и СССР, открывавший возможности не только для оперативной переброски материальных и человеческих ресурсов, но и для пребывания в МНР советских войск и десятков тысяч советских специалистов.

¹⁹ Трифонов 2018.

В случае Монголии особенно ярко проявилась советская традиция делить зарубежные страны на «настоящую за границу» (страны западного блока) и «не совсем за границу» (большинство стран СЭВ) или даже «не за границу»²⁰. Помимо самого продолжительного после СССР опыта социалистического строительства, восприятию МНР как «не за границы» способствовали массовое распространение русского языка, кириллический алфавит, а также полностью просоветской характер политической элиты. Все это делало страну похожей на одну из среднеазиатских республик СССР. На быденном уровне ее и называли шестнадцатой республикой²¹. Такое отношение к ней всплывает и сегодня: «В свете внезапного разворота российской внешней политики в Азию, взаимных санкций с Европой и Америкой, а также усиливающегося влияния Китая новые соглашения с Монголией дают Бурятии очередные надежды на развитие. Уже в союзе с давним другом, который совсем скоро станет „не за границей“»²². Подобные высказывания встречаются на уровне как публичного, так и повседневного дискурса, вызывая негативную реакцию в Монголии, особенно в среде интеллектуалов.

²⁰ См. Панарин 2014.

²¹ Там же.

²² Сандакдоржиева 2014.

В любом случае советское наследие через свое воспроизводство («не за граница») или отторжение (выстраивание и переосмысление границы) продолжает влиять на регион. Но сам этот процесс воспроизводства/отторжения, принимающий вполне официальные формы, сильнейшим образом детерминируют коллективные представления, уходящие корнями в панмонголизм и локальные версии национальных доктрин.

**Национализм
и границы
в современную
эпоху**

Монгольская революция 1990 г. не только положила конец почти 70-летнему периоду социалистического развития страны, но и задала формат региональных отношений на десятилетия вперед. Именно перемены в Улан-Баторе, открывшие новый этап нацистроительства в Монголии, предопределили возникновение целого комплекса противоречий в регионе. Уход России из Монголии и введение в 1995 г. визового режима между ними способствовали снижению накала антирусских настроений, получивших широкое распространение в конце 1980-х годов. Граница между странами стала жесткой разделительной чертой с относительно низкой пропускной способностью.

²³ Михалев 2011.

К 2010 г. доминирующие позиции в Монголии занял дискурс ресурсного национализма²³. Огромную популярность получила идея природной ренты для каждого жителя страны, а также строгого учета интересов нации в вопросах природопользования, в том числе при выдаче лицензий на добычу природных ресурсов. Этой теме так или иначе касались чуть ли не все политические монгольские СМИ того периода. Но если ресурсный национализм выступал (и выступает) экономической основой конструирования политической нации, то идеологической основой этого процесса стала специфически трактуемая избранность «истинных наследников Чингисхана» — халхов. Вышедшая на первый план национальная идея наложила отпечаток практически на все стороны жизни монгольского общества — от культуры до экономики.

²⁴ Романова и др. 2015.

Советский проект вечно догоняющего «младшего брата» сменила концепция «монгольской кочевой цивилизации», наследницы древних культур Евразии — гуннов (хунну), сяньби, жуань-жуань, тюрков. Согласно сторонникам этой концепции, великая кочевая цивилизация монголов, с одной стороны, противопоставлена «оседлым» цивилизациям европейцев и китайцев, с другой — позволяет впитать все лучшее, что в них содержится. Ее олицетворением и является Чингисхан²⁴. Однако не все монголы смогли сохранить подлинность данной культуры. Это удалось только народу собственно Монголии, и прежде всего доминирующей там этнической группе халхов. Революция дала толчок зарождению новой монгольской идентичности²⁵.

²⁵ Bulag 1998.

²⁶ Kaplonski 2004.

Монгольский национализм конца 1990-х годов, в основе которого лежало осознание победы над «старшим братом», начал трансформироваться в халхацентризм²⁶. Будучи нацелен на легитимацию политического господства халхаского большинства, халхацентризм вместе с тем пытается присвоить историю всех монголоязычных народов, ставя во главу угла принцип чистоты крови как главное обоснование претензии на роль наследников империи Чингисхана²⁷. Подобная ориентация монгольского национального строительства разграничила монголов, живущих в Монголии, КНР и России, не менее жестко, чем визовый режим.

²⁷ Bulag 1998.

После ухода России существенное место в экономике Монголии заняли китайские инвестиции и товары. За первые десять лет после монгольской революции вчерашний противник превратился в нового регионального гегемона. Такое развитие событий спровоцировало взлет

синофобии, сохранившейся на уровне повседневных представлений. И хотя экономическое сотрудничество двух стран становилось все более тесным²⁸, синофобия наложила свой отпечаток на восприятие китайцев и границы с Китаем²⁹.

²⁸ См. Базаров 2018.

²⁹ Billé 2014.

Начиная с 2011 г. по стране прокатилась волна протестов против засилья иностранного капитала и иностранного влияния *per se*. Уровень неприятия внешних инвесторов прибавил угрожающие масштабы. Наглядным свидетельством тому служат политические лозунги, звучавшие на президентских выборах 2017 г.: «За Монголию, против иностранцев», «Остановим засилье иностранного капитала» и т.д. Весьма показателен и успех крайне правого политика Сайнхуугийна Ганбаатара, чьи откровенно националистические призывы обеспечили ему третье место в президентской гонке. К этому времени монгольское государство добилось относительного культурного единообразия. Утвердилось восприятие зарубежных монголов как историко-генетически «своих», но «чужих» политически и культурно. Они тоже вышли из империи Чингисхана, однако в силу зависимости от «оседлых» не могут претендовать на его наследие.

В свою очередь, среди монголов КНР оформилось критическое отношение к халхаской Монголии, в центре которого тоже находится вопрос о наследии Чингисхана. Ключевыми элементами построения локальной идентичности в данном случае являются монгольская династия Юань, правившая в Китае в XIII—XIV вв., и союз, некогда заключенный восточными монголами с империей Цин, который позволил им избавиться от диктата со стороны Джунгарского ханства. Соответственно, именно восточные (увэр) монголы здесь оказываются подлинными продолжателями традиций кочевой цивилизации и державы Чингисхана. Споры о праве на историю, а также о чистоте языка и крови зачастую влекут за собой дистанцирование между халха- и увэр-монголами. Что касается монголоязычного населения России, то там четко просматривается интеграционный тренд, связанный с популяризацией трансграничного сообщества единой исторической судьбы — монголосферы.

Стоит отметить, что если для Монголии наследие Чингисхана выступает основой нациестроительства, то для монголов КНР ссылки на него суть способ выражения лояльности Китаю через противопоставление себя жителям Монголии. Для монголоязычных же народов России это вопрос национально-культурной автономии и обретения дополнительного ресурса в диалоге с федеральным центром через встраивание в пространство международных отношений.

Таким образом, если в случае Монголии очевидна тенденция к ужесточению режима границ, наделению их политическим смыслом даже на уровне массовых представлений, то в случае России и Китая дело обстоит иначе. Позиция Китая в отношении границ во многом определяется политикой по втягиванию сопредельной страны в орбиту китайского хозяйства. В России ситуация еще сложнее, поскольку федеральный и региональный взгляды на границу довольно сильно различаются. Вплоть до самого недавнего времени отношения с Монголией оставались вне

фокуса внимания Москвы, да и сегодня они скорее производная от общей политики «поворота на Восток», тогда как на региональном уровне (прежде всего в Прибайкалье и Забайкалье) им придется серьезное значение, что проявляется, в частности, в стремлении к смягчению режима границ и интенсификации трансграничного взаимодействия.

Жесткий халхацентризм, утвердившийся в Монголии на рубеже веков, был чреват осложнением ее отношений с ключевыми партнерами — Китаем и Россией. Но его негативные последствия этим не ограничились. В ответ на рост в стране халхацентристских настроений монгольские меньшинства начали искать опору за ее пределами, апеллируя к панмонголизму. В этих условиях неудивительно, что на официальном уровне возникла идея объединить панмонгольский и халхацентристский дискурсы.

Попытка преодолеть халхацентричную модель нации-государства была предпринята еще в 2011 г., когда, выступая на заседании парламента, посвященном столетию обретения независимости, президент Монголии Цахиагийн Элбэгдорж обратился к монголам всего мира с призывом приехать в страну и внести свой вклад в ее развитие. И хотя подобный призыв не означал отказа от идеи «избранности» жителей Монголии по отношению к иным группам монголов, он открывал перед ними возможность приобщиться к строительству «избранной» страны, подлинной наследницы великих кочевых империй.

Этот процесс не особенно сказался на режиме границ между Монголией и КНР. Здесь сохранилась характерная для Китая последних лет политика формирования дружественного окружения посредством «мягкой силы». Гораздо более серьезное влияние он оказал на формирование российско-монгольского трансграничья, особенно после отмены визового режима между странами.

Граница без виз — новые стереотипы

14 ноября 2014 г. между Россией и Монголией был отменен визовый режим. Этот шаг был продиктован как объективными глобальными процессами, так и заявленным Россией «поворотом на Восток». Появление таких масштабных проектов азиатской интеграции, как «Один пояс — один путь», существенно изменило парадигму отношений во всем регионе³⁰. На этом фоне российская инициатива по отмене визовых барьеров представлялась абсолютно логичной и обоснованной. Ее следствием стало возникновение новой системы трансграничных отношений, кардинально отличающейся как от советских практик, так и от челночной экономики 1990-х годов.

С отменой визового режима значительно изменилось восприятие как самой границы, так и жителей сопредельной страны. Начали складываться совершенно иные практики приграничного соседства, чему во многом способствовало увеличение потоков пересекающих границу граждан обеих стран³¹. Вместе с тем массовые контакты привели и к росту числа конфликтных ситуаций.

³⁰ Базаров 2011.

³¹ Дамдинова 2015.

Представления о пространстве на бурятском участке российско-монгольской границы базируются на идее этнокультурной общности. При этом на уровне повседневных взаимодействий отчетливо ощущаются различия в образе жизни, моделях поведения и устойчивых социальных практиках. Как отмечает улан-удэнская газета «Информ Полис», «поток монгольских туристов подкрепил обвал рубля, произошедший в декабре 2014 г. Теперь для них качественные российские товары стали гораздо дешевле и доступнее... Это наглядно видит каждый улан-удэнец в супермаркетах, наблюдая за оптовыми закупками монгольских покупателей»³². На первых порах подобная непохожесть представителей народа, который через границу казался не просто братским, но, по сути, тождественным тебе, привела к довольно серьезному росту ксенофобии, особенно в ситуациях более или менее явного конфликта интересов, как в случае проекта строительства ГЭС на реках, впадающих в Байкал. Однако взаимная заинтересованность в трансграничном взаимодействии постепенно вытеснила ее на периферию, а сами границы стали восприниматься не столько как барьер, сколько как пространство дополнительных возможностей.

³² Андреева 2016.

Отмена виз привела к увеличению доходов регионального бизнеса, прежде всего торговых сетей, гостиниц и предприятий общественного питания: «Безвизовый режим на нас, конечно, повлиял... Не будь монголов, у нас было бы гораздо меньше прибыли. Думаю, от потока туристов из Монголии всем хорошо, тем более во время кризиса»³³. Известную роль здесь сыграли различия в структуре потребления: «Когда еще нужны были визы, в Монголии было мало российской еды. После введения безвизового режима у нас появилось очень много продуктов из России. Большой популярностью у монголов в России пользуются конфеты. Многие покупают здесь мед»³⁴. В короткий срок система розничной торговли и индустрия гостеприимства перешли на обслуживающие клиентов на двух языках.

³³ Дамдинова 2015.

³⁴ Пашинок 2016.

Стал меняться и тип расселения «чужих» по обе стороны границы. С отменой визового режима можно говорить о возникновении новой региональной транслокальности. Находясь в приграничных районах РФ, граждане Монголии сохраняют модели поведения и представления о нормах, характерные для их страны. То же самое касается и граждан России в Монголии. То есть, несмотря на так называемую «старую границу», происходит формирование практик соседства. В то же время транслокальность позволяет выстраивать отношения на приграничных территориях на основе взаимной выгоды, не прилагая серьезных усилий для сближения поведенческих практик.

Показательно трансформируется повседневное восприятие границы. И в Монголии, и в России, причем не только на территориях, населенных монгольязычными народами, складывается представление о «другой стороне» как о дополнительном ресурсе. Поездки в сопредельную страну становятся обыденным явлением. Негативные смыслы в социальных сетях и на страницах СМИ все больше оттесняются на периферию. Не исчезая полностью, они перестают предопределять

коллективные действия, утрачивают массовость. И хотя в социальных сетях еще можно встретить рассуждения о «некультурности монголов» или об «исконных монгольских территориях, захваченных Россией», основной тон они уже не задают. Взаимная заинтересованность позволяет гасить существующие различия в образе жизни и стереотипах поведения. Формируется особая фронтальная зона, которая сегодня не разделяет, но соединяет русскую и монгольскую цивилизации.

Библиография

- Андреева А. (2016) *Монгольское «нашествие» на Бурятию*. URL: <https://www.infpol.ru/113401-mongolskoe-nashestvie-v-buryatiyu/> (проверено 30.09.2019).
- Базаров В.В. (2011) «Региональная парадипломатия в трансграничных регионах Сибири и Восточной Азии» // *Известия Уральского государственного университета. Сер. 2: Гуманитарные науки*, № 4 (96): 26–36. URL: <http://elar.urfu.ru/bitstream/10995/18788/1/iurg-2011-96-04.pdf> (проверено 23.12.2019).
- Базаров В.В. (2016) «Монголо-китайские отношения в постсоветский период: политика и экономика» // *Власть*, т. 24, № 3: 219–223. URL: <https://www.jour.isras.ru/upload/journals/2/articles/4103/submission/original/4103-7602-1-SM.pdf> (проверено 23.12.2019).
- Базаров В.В. (2018) «Монголо-китайские внешнеэкономические и внешнеполитические отношения» // *Власть*, т. 26, № 3: 61–66. URL: <https://www.jour.isras.ru/upload/journals/2/articles/5729/submission/original/5729-10643-1-SM.pdf> (проверено 23.12.2019).
- Барадин Б.Б. (1927) «Бурят-монголы: Краткий исторический очерк оформления бурят-монгольской народности» // *Бурятские ведомости*, № 3–4: 39–52.
- Дамдинова А. (2015) *Что Бурятии дал безвизовый режим с Монголией?* URL: <https://www.infpol.ru/164731-что-buryatii-dal-bezvizovyy-rezhim-s-mongoliey/> (проверено 30.09.2019).
- Дудин П.Н. (2018) «Буферные государства как инструмент обеспечения стратегического присутствия в регионе Восточной Азии: советский и японский опыт» // *Вестник Московского университета. Сер. 12: Политические науки*, № 6: 50–65.
- «Игры с переименованием. Туву хотят вернуть в Китай?» (2017) // *РИСК экспресс*, № 38. URL: https://risk-inform.ru/article_6905.html (проверено 23.12.2019).
- Кузьмин С.Л. (2015) «Панмонгольское движение 1919–1920 гг. и монгольская государственность» // *Eurasia: statum et legem*, № 1 (4): 97–107.
- Михалев А.В. (2011) «Монголия как национализирующееся государство: опыт постсоветских трансформаций» // *Политическая наука*, № 2: 193–207. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mongoliya-kak-natsionaliziruyusheesya-gosudarstvo-opyt-postsovetskih-transformatsiy/viewer> (проверено 23.12.2019).

Панарин С.А. (2014) «Курица не птица? Воспоминания о социалистической Монголии» // *Лабиринт: Журнал социально-гуманитарных исследований*, № 6: 66—76. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kuritsa-ne-ptitsa-vospominaniya-o-sotsialisticheskoy-mongolii/viewer> (проверено 23.12.2019).

Пашинюк В. (2016) «Жители Монголии рассказали, как относятся к Бурятии» // *Номер один*, 14.01. URL: <https://gazeta-n1.ru/news/38766/> (проверено 30.09.2019).

Попов В. (1912) *Второе путешествие в Монголию 1910 года. Ч. III: Исследование границы на участке Кяхта — Алтай (Урянхайский вопрос)*. Иркутск: Типография штаба округа.

Решетов А.М. (1984) «О формировании в МНР монгольского народа как новой исторической общности людей» // *Всесоюзная сессия по итогам полевых этнографических и антропологических исследований, 1982—1983 гг.: Тезисы докладов*. Ч. 1. Черновцы, б.и.: 407—408.

Романова И.В., О.И.Зимин, А.В.Жуков, и А.А.Жукова. (2015) «Религиозное мифотворчество в политической жизни современной Монголии» // *Вестник Забайкальского государственного университета*, № 4 (119): 107—114.

Саая С.В. (2003) *Россия-Тува-Монголия: «центрально-азиатский треугольник» в 1921—1944 годах*. Абакан: Тип. ООО Кооп. Журналист.

Сандакдоржиева С. (2014) «Курица — не птица, Монголия — не заграница» // *Газета РБ*, 4.09. URL: <https://gazetarb.ru/news/section-economy/detail-268972/> (проверено 23.12.2019).

Трифонов Е. (2018) «Монголия: тернистый путь „счастливого государства“» // *Historicus*, 18.12. URL: <http://www.historicus.ru/mongoliya-ternistii-put/> (проверено 23.12.2019).

Цэндоо. (2018) «„Виновен проклятый Советский Союз“. Почему монголы до сих пор не любят Китай» // *ARD*, 31.10. URL: <http://asiarussia.ru/articles/20764/> (проверено 30.09.2019).

Чимитдоржиев Ш.Б. (2000) «Панмонгольское движение — это общемонгольское национальное движение» // *Монголоведные исследования*. Вып. 3. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН: 12—30.

Шмыт З. (2011) «Нация и этничность в Монголии» // *Этнографическое обозрение*, № 6: 58—70.

Berger J. and P.S.Jowett. (2004) *Rays of the Rising Sun. Vol. 1: Armed Forces of Japan's Asian Allies 1931—45. China and Manchuria*. Solihull: Helion.

Billé F. (2014) *Sinophobia: Anxiety, Violence, and the Making of Mongolian Identity*. Honolulu: HI University of Hawai'i Press.

Bulag U.E. (1998) *Nationalism and Hybridity in Mongolia*. Oxford: Clarendon Press.

Bulag U.E. (2000) «From Inequality to Difference: Colonial Contradictions of Class and Ethnicity in Socialist China» // *Cultural Studies*, vol. 14, no. 3/4: 531—536.

Kaplonski C. (2004) *Truth, History, and Politics in Mongolia: The Memory of Heroes*. London, New York: Routledge, Curzon.

Munkh-Erdene L. (2006) «The Mongolian Nationality Lexicon: From the Chinggisid Lineage to Mongolian Nationality (From the Seventeenth Century to the Early Twentieth Century)» // *Inner Asia*, vol. 8, no. 1: 51–98.

Ó Tuathail G. (1996) *Critical Geopolitics: the Politics of Writing Global Space*. London: Routledge.

Ó Tuathail G., S.Dalby, and P.Routledge, eds. (1998) *A Geopolitics Reader*. London: Routledge.

Peshkov I.O. (2017) «In the Shadow of „Frontier Disloyalty“ at Russia—China—Mongolia Border Zones» // *History and Anthropology*, vol. 28, no. 4: 429–444.

Radchenko S. (2012) «Carving up the Steppes: Borders, Territory and Nationalism in Mongolia, 1943–1949» // *Eurasia Border Review*, vol. 3, Summer: 9–31.

A.V.Mikhalev

BORDERS, “LOW GEOPOLITICS”, AND THE SOVIET HERITAGE IN MODERN INNER ASIA

Aleksey V. Mikhalev — Doctor of Political Science; Director of the Center for the Study of Political Transformations at Dorji Banzarov Buryat State University (Ulan-Ude). Email: mihalew80@mail.ru.

Abstract. The article is devoted to the description and analysis of the dynamics of everyday perception of the border and trans-border processes in the eastern part of Central Asia, which in fact represents the Mongolian world. The latter had been established many centuries before the appearance of modern states, but it is preserved to our days and is divided by the borders of states, where new identities that are inherent already in the Modernity epoch are being formed.

The author elaborates his research task on the basis of the fact that, in addition to “high geopolitics”, based on the ideas of political experts about space, borders and the world order, there is also “low geopolitics”, which includes images formed by the media, culture, art, and everyday routines of people. Although “low geopolitics” often exists outside the official discourse, it does not only affect mass attitudes, but also to a greater or lesser extent affects the process of political decision-making and the implementation of the “border regime”, becoming the basis for collective political actions.

A study conducted by the author allowed him to record serious changes in the daily perception of the border after the abolition of the visa regime between Mongolia and Russia. Both countries start to view the neighbor as an additional resource. Negative connotations in social networks and on the media pages are increasingly becoming peripheral. Although they do not disappear completely, they cease to predetermine collective actions and lose their mass character. Mutual interest allows one to overcome the existing differences in lifestyle and behavioral patterns. A special frontier zone is being formed, which today unites Russian and Mongolian civilizations rather than divide them.

Keywords: borders, geopolitics, Inner Asia, discourse, pan-Mongolism, Khalkha-centrism

References

- Andreeva A. (2016) *Mongol'skoe "nashestvie" na Burjatiyu* [Mongolia Invasion in Burtatia]. URL: <https://www.infpol.ru/113401-mongolskoe-nashestvie-v-buryatiyu/> (accessed on 30.09.2019). (In Russ.)
- Bazarov B.V. (2011) "Regional'naja paradiplomacija v transgranichnykh regionakh Sibiri i Vostochnoj Azii" [Regional Paradiplomacy in Transboundary Siberian and East Asian Regions] // *Izvestija Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. 2: Gumanitarnye nauki* [Izvestia: Ural State University Journal. Series 2: Humanities and Arts], no. 4 (96): 26–36. URL: <http://elar.urfu.ru/bitstream/10995/18788/1/iurg-2011-96-04.pdf> (accessed on 23.12.2019). (In Russ.)
- Bazarov V.B. (2016) "Mongolo-kitajskie otnoshenija v postsovetskij period: politika i ekonomika" [Mongolian-Chinese Relations in the Post-Soviet Period: Politics and Economics] // *Vlast'* [The Authority], vol. 24, no. 3: 219–223. URL: <https://www.jour.isras.ru/upload/journals/2/articles/4103/submission/original/4103-7602-1-SM.pdf> (accessed on 23.12.2019). (In Russ.)
- Bazarov V.B. (2018) "Mongolo-kitajskie vneshneekonomicheskie i vneshnepoliticheskie otnoshenija" [Mongolian-Chinese Foreign Economic and Foreign Policy Relations] // *Vlast'* [The Authority], vol. 26, no. 3: 61–66. URL: <https://www.jour.isras.ru/upload/journals/2/articles/5729/submission/original/5729-10643-1-SM.pdf> (accessed on 23.12.2019). (In Russ.)
- Baradin B.B. "Burjat-mongoly: Kratkij istoricheskij ocherk oformlenija burjat-mongol'skoj narodnosti" [The Buryat-Mongols: A Brief Historical Essay on the Formation of the Buryat-Mongolian People] // *Burjatievedenie* [The Buryat Studies], no. 3–4: 39–52. (In Russ.)
- Berger J. and P.S.Jowett. (2004) *Rays of the Rising Sun. Vol. 1: Armed Forces of Japan's Asian Allies 1931–45. China and Manchuria*. Solihull: Helion.
- Billé F. (2014) *Sinophobia: Anxiety, Violence, and the Making of Mongolian Identity*. Honolulu: HI University of Hawai'i Press.
- Bulag U.E. (1998) *Nationalism and Hybridity in Mongolia*. Oxford: Clarendon Press.

Bulag U.E. (2000) “From Inequality to Difference: Colonial Contradictions of Class and Ethnicity in Socialist China” // *Cultural Studies*, vol. 14, no. 3/4: 531—536.

Chimitdorzhiev Sh.B. (2000) “Panmongol’skoe dvizhenie — eto obshchemongol’skoe natsional’noe dvizhenie” [The Pan-Mongolian Movement Is the All-Mongolian National Movement] // *Mongolovednye issledovaniya* [Mongolian Studies]. Issue 3. Ulan Ude: Izd-vo BNTs SO RAN: 12—30. (In Russ.)

Damdinova A. (2015) *Chto Burjatii dal bezvizovyy rezhim s Mongoliej?* [What Did the Visa-Free Regime with Mongolia Give Buryatia?] URL: <https://www.infpol.ru/164731-chto-buryatii-dal-bezvizovyy-rezhim-s-mongoliej/> (accessed on 30.09.2019). (In Russ.)

Dudin P.N. (2018) “Bufernye gosudarstva kak instrument obespecheniya strategicheskogo prisutstvija v regione Vostochnoj Azii: sovetskij i japonskij opyt” [Buffer States as a Tool for Ensuring a Strategic Presence in the East Asian Region: The Soviet and Japanese Experience] // *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 12: Politicheskie nauki* [Moscow University Bulletin. Series 12: Political Science], no. 6: 50—65. (In Russ.)

“Iгры s pereimenovaniem. Tuvu hotjat vernut’ v Kitaj?” [Games with Renaming. Tuva Returning in China?]. (2017) // *RISK Express*, no. 38. URL: https://risk-inform.ru/article_6905.html (accessed on 23.12.2019). (In Russ.)

Kaplonski C. (2004) *Truth, History, and Politics in Mongolia: The Memory of Heroes*. London, New York: Routledge, Curzon.

Kuzmin S.L. (2015) “Panmongol’skoe dvizhenie 1919—1920 gg. i mongol’skaja gosudarstvennost’” [Pan-Mongolian Movement in 1919—1920 and the Mongolian Statehood] // *Eurasia: statum et legem*, no. 1 (4): 97—107. (In Russ.)

Mikhalev A.V. (2011) “Mongolija kak natsionalizirujushcheesja gosudarstvo: opyt postsovetskikh transformatsij” [Mongolia as a Nationalizing State: The Experience of Post-Soviet Transformation] // *Politicheskaja nauka* [Political Science], no. 2: 193—207. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mongoliya-kak-natsionaliziruyusheesya-gosudarstvo-opyt-postsovetskikh-transformatsiy/viewer> (accessed on 23.12.2019). (In Russ.)

Munkh-Erdene L. (2006) “The Mongolian Nationality Lexicon: From the Chinggisid Lineage to Mongolian Nationality (From the Seventeenth Century to the Early Twentieth Century)” // *Inner Asia*, vol. 8, no. 1: 51—98.

Ó Tuathail G. (1996) *Critical Geopolitics: the Politics of Writing Global Space*. London: Routledge.

Ó Tuathail G., S.Dalby, and P.Routledge, eds. (1998) *A Geopolitics Reader*. London: Routledge.

Panarin S.A. (2014) “Kuritsa ne ptitsa? Vospominaniya o sotsialisticheskoy Mongolii” [Isn’t Chicken a Bird? Memories of Socialist Mongolia] // *Labirint: Zhurnal sotsial’no-gumanitarnykh issledovanij* [Labyrinth: Journal of Philosophy and Social Sciences], no. 6: 66—76. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kuritsa-ne-ptitsa-vospominaniya-o-sotsialisticheskoy-mongolii/viewer> (accessed on 23.12.2019). (In Russ.)

Pashinjuk V. (2016) “Zhiteli Mongolii rasskazali, kak odnosjatsja k Burjatii” [Residents of Mongolia Told How They Treat Buryatia] // *Nomer odin*

[Number One], 14.01. URL: <https://gazeta-n1.ru/news/38766/> (accessed on 30.09.2019). (In Russ.)

Peshkov I.O. (2017) “In the Shadow of „Frontier Disloyalty“ at Russia—China—Mongolia Border Zones” // *History and Anthropology*, vol. 28, no. 4: 429—444.

Popov V. (1912) *Vtoroe puteshestvie v Mongoliju 1910 goda. Ch. III: Issledovanie granitsy na uchastke Kjachhta — Altaj (Urjankhajskij vopros)* [The Second Trip to Mongolia in 1910. Part 3: Investigation of the Border on the Kyakhta-Altai Section (Uryankhai Question)]. Irkutsk: Tipografija shtaba okruga. (In Russ.)

Radchenko S. (2012) “Carving up the Steppes: Borders, Territory and Nationalism in Mongolia, 1943—1949” // *Eurasia Border Review*, vol. 3, Summer: 9—31.

Reshetnikov A.M. (1984) “O formirovanii v MNR mongol'skogo naroda kak novoj istoricheskoy obshchnosti ljudej” [On the Formation of Mongolian People as a New Historical Community] // *Vsesojuznaja sessija po itogam polevykh etnograficheskikh i antropologicheskikh issledovanij, 1982—1983 gg.: Tezisy dokladov* [All-Union Session on the Results of the Field Ethnographic and Anthropological Research, 1982—1983: Thesis of Reports]. Part 1. Chernovtsy, s.n.: 407—408. (In Russ.)

Romanova I.B., O.I.Zimin, A.V.Zhukov, and A.A.Zukova. (2015) “Religioznoe mifotvorchestvo v politicheskoj zhizni sovremennoj Mongolii” [Religious Myth Creation in Political Life of Modern Mongolia] // *Vestnik Zabajkal'skogo gosudarstvennogo universiteta* [Transbaikal State University Journal], no. 4 (119): 107—114. (In Russ.)

Saaja S.V. (2003) *Rossija-Tuva-Mongolija: “tsentral'no-azijskij treugol'nik” v 1921—1944 godakh* [Russia-Tuva-Mongolia: “Central Asian Triangle” in 1921—1944]. Abakan: Tip. OOO Koop. Zhurnal. (In Russ.)

Sandakdorzhieva S. (2014) “Kuritsa — ne pritsa, Mongolija — ne zagrantsa” [A Chicken Is Not a Bird, Mongolia Is Not Abroad] // *Gazeta RB* [Newspaper of the Republic of Buryatia], 4.09. URL: <https://gazetarb.ru/news/section-economy/detail-268972/> (accessed on 23.12.2019). (In Russ.)

Szmyt Z. (2011) “Natsija i etnichnost' v Mongolii” [Nation and Ethnicity in Mongolia] // *Etnograficheskoe obozrenie* [Ethnographical Review], no. 6: 58—70. (In Russ.)

Trifonov E. (2018) “Mongolija: ternistyj put' „schastlivogo gosugarstva“” [Mongolia: the Thorny Path of a “Happy State”] // *Historicus*, 18.12. URL: <http://www.historicus.ru/mongoliya-ternistii-put/> (accessed on 23.12.2019). (In Russ.)

Tsendoo. (2018) “„Vinoven prokljatyj Sovetskij Sojuz“. Pochemu mongoly do sikh por ne ljubjat Kitaj” [“The Damned Soviet Union Is Guilty”. Why the Mongols Still Do Not Like China] // *ARD*, 31.10. URL: <http://asiarussia.ru/articles/20764/> (accessed on 30.09.2019). (In Russ.)